СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ X, № 2.

ОБОЗРѢНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ЗА 1871 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

КЪ ГОДИЧНОМУ СОБРАНІЮ 29 ДЕКАБРЯ ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ
А. В. Никитенко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1872.

7

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1872 года.
Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

ОБОЗРѢНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

IIго ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

за 1871 годъ,

составленное къ годичному собранію 29-го декабря ординарнымъ академикомъ А. В. Никитенко.

Мм. гг. Въ продолженіе истекающаго года засѣданія II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, происходившія обычнымъ порядкомъ, были посвящаемы общимъ сужденіямъ о разныхъ вопросахъ по части отечественнаго языка и словесности. Особенные труды членовъ были слѣдующіе:

Академикъ И. И. Срезневскій продолжалъ начатыя въ прошедшемъ году изслѣдованія о Кормчей Книгѣ. Въ обозрѣніи дѣятельности Отдѣленія за минувшій годъ уже было говорено о важности и значеніи этихъ изслѣдованій. Въ томъ видѣ, какъ этотъ трудъ находится нынѣ, онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія части: обозрѣніе состава Кормчей Книги православной церкви въ средніе вѣка; описаніе древнихъ ея списковъ русскаго письма: 1) Ефремовской Кормчей XI—XII вѣковъ и Соловецкой XVI вѣка; 2) Устюжской XIII вѣка и ей подобной Московской академіи; 3) Рязанской XIII вѣка (1284 г.) сравнительно съ Сербскими 1262 г. 1805 г.; 4) Новгородской XIII вѣка (1250 г.); 5) Варсонофьевской Чудской XIV вѣка и имъ подобныхъ XV и XVI столѣтій; 6) Кормчей смѣшанныхъ составовъ въ спискахъ XVI

вѣка. Изъ сличенія и разбора этихъ рукописей академикъ объяснилъ содержаніе ихъ для разрѣшенія вопросовъ: что̀ именно въ нихъ переведено было, сколько разъ, какъ и какого состава Кормчія книги употреблялись на Руси въ древности и съ какого времени. Къ изслѣдованіямъ г. Срезневскаго слѣдуютъ приложенія: 1) собраніе каноновъ Іоанна Схоластика сравнительно съ другими древними переводами каноновъ; 2) собраніе постановленій въ 87 главахъ нѣсколькихъ новеллъ въ древнѣйшемъ переводѣ сравнительно съ другими древними переводами; 3) Номоканонъ—указатель Фотіевъ по двумъ переводамъ и собраніе постановленій, къ нему относящихся; 4) Прохиріонъ; 5) Законъ судный; 6) русскія статьи съ разночтеніями по разнымъ спискамъ, и, наконецъ, 7) выборъ словъ изъ перевода разныхъ частей Кормчей.

По поводу составленной ректоромъ Варшавскаго университета П. А. Лавровскимъ записки о старорусскомъ тайномъ писаніи, академикъ Срезневскій изложилъ свои соображенія объ этомъ предметѣ. Онъ обратилъ вниманіе на древность такъ-называемой тарабарской грамоты, которой употребленіе видно въ нѣсколькихъ сербскихъ рукописяхъ. Древность эта по нашимъ рукописнымъ памятникамъ несомнѣнно отнесена быть можетъ ко времени не позже XIII вѣка. Сербское тайнописаніе есть греческое, встрѣчающееся въ греческихъ рукописяхъ X вѣка и позднѣйшихъ; въ ней представляется такое-же замѣненіе буквъ, какъ и въ тарабарщинѣ, только съ раздѣленіемъ азбуки на три части, такъ что въ каждой изъ частей буквы замѣняются одна другою.

Наконецъ, академикъ И. И. Срезневскій посѣтилъ Москву съ ученою цѣлью изслѣдовать нѣкоторыя изъ древнихъ рукописей, преимущественно Кормчей, въ Румянцовскомъ музеѣ и въ библіотекахъ синодальной, троицко-сергіевской и московской академической и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться съ нѣсколькими собраніями книгъ, которыя доселѣ оставались ему неизвѣстны. Онъ нашелъ, что изъ послѣднихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія собраніе, принадлежащее Ярославскому архіерейскому дому. Результаты его изысканій онъ сообщилъ въ свое время Отдѣленію.

Академикъ Я. К. Гротъ, еще въ началѣ года, окончилъ печатаніе Записокъ Державина, вошедшихъ въ VI томъ сочиненій нашего знаменитаго поэта; томъ этотъ вслѣдъ затѣмъ и вышелъ въ свѣтъ. Кромѣ Записокъ, помѣщенныхъ въ немъ въ очищенномъ текстѣ съ дополненіями прежняго изданія и съ новыми историческими примѣчаніями, въ немъ содержится переписка Державина за послѣдніе годы его жизни. Переписка эта представляетъ живой интересъ по отношенію ко многимъ неизвѣстнымъ доселѣ общественнымъ и литературнымъ явленіямъ. Въ концѣ тома приложенъ въ извлеченіи весьма любопытный, непоявлявшійся еще въ печати документъ о времени вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II. Это записка Штелина, подробно описывающая день, предшествовавшій этому событію.

По изданіи VI тома сочиненій Державина, г. Гротъ приступилъ немедленно къ печатанію слѣдующаго тома, гдѣ собраны прозаическія произведенія Державина, между прочимъ, его проекты, мнѣнія и другія бумаги, писанныя имъ по разнымъ предметамъ государственной службы. Число этого рода сочиненій такъ велико, что пришлось ограничиться печатаніемъ только тѣхъ, которыя касаются общихъ вопросовъ управленія и устранить менѣе важныя, относящіяся къ частнымъ дѣламъ. Въ настоящее время напечатано болѣе половины тома. Здѣсь читатель найдетъ, между прочимъ, объясненія Державина по его распрямъ съ генералъ-губернаторами во время завѣдыванія имъ губерніями Олонецкой и Тамбовской, его мысли объ увеличеніи государственныхъ доходовъ, мнѣнія о средствахъ къ уменьшенію дороговизны въ столицѣ, обширное въ первый разъ вполнѣ напечатанное мнѣніе о преобразованіи быта Евреевъ, проектъ устава о третейскомъ совѣстномъ судѣ, объ уничтоженіи монополіи въ астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ, о преобразованіи въ устройствѣ арміи и проч.

Въ то же время г. Гротъ, по опредѣленію Отдѣленія, продолжалъ печатаніе своихъ филологическихъ статей, которое скоро будетъ окончено. Онъ также занимался разсматриваніемъ нѣко-

торыхъ представляемыхъ въ Академію сторонними лицами трудовъ, какъ-то словарей и т. п. Часть своего времени онъ также употребилъ на пересмотръ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ русскаго правописанія и изъ замѣчаній своихъ, заявленныхъ имъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія, онъ готовитъ особую по этому предмету статью.

Наконецъ, къ этому мы должны присоединить еще свѣдѣнія о новомъ трудѣ, которымъ занятъ г. Гротъ и который впослѣдствіи появится въ печати. Къ нему доставлено было И. С. Капистомъ, внукомъ извѣстнаго нашего писателя, собраніе рукописей одного изъ замѣчательныхъ писателей вѣка Екатерины II, баснописца Хемницера. Отдѣленіе, выслушавъ написанную г. Гротомъ по этому поводу монографію, нашло полезнымъ и сообразнымъ съ достоинствомъ нашей словесности изданіе вновь Хемницера въ болѣе усовершенствованномъ видѣ, по тѣмъ даннымъ, какія находятся въ доставленныхъ г. Капнистомъ бумагахъ. Трудъ этотъ возложенъ на г. Грота, и онъ самъ въ настоящемъ собраніи будетъ имѣть честь предложить вашему благосклонному вниманію свое разсужденіе о Хемницерѣ.

П. П. Пекарскій въ настоящемъ году былъ занятъ печатаніемъ перваго тома собранныхъ имъ и приведенныхъ въ порядокъ бумагъ Императрицы Екатерины II, хранящихся въ Государственномъ архивѣ. Въ обозрѣніи дѣятельности II Отдѣленія за прошедшій годъ уже было говорено, что мыслью объ этомъ изданіи отечественная наука обязана Августѣйшему предсѣдателю Русскаго историческаго общества, Государю Цесаревичу Наслѣднику и Великому Князю Александру Александровичу. Его Императорское Высочество испросилъ чрезъ Государственнаго канцлера Высочайшее разрѣшеніе на обнародованіе бумагъ великой прабабки своей и соизволилъ, чтобъ осуществленіе его намѣренія было поручено нашему сочлену. Первый томъ нынѣ вышелъ въ свѣтъ и по немъ можно уже судить о богатствѣ историческихъ данныхъ, обѣщаемыхъ всѣмъ предпринятымъ изданіемъ. Въ отпечатанный томъ вошло болѣе четырехъ сотъ по большей части собственноручныхъ

бумагъ Екатерины II, а между тѣмъ онѣ обнимаютъ только времена юности Государыни, бывшей еще Великою Княгиней, и первые три года ея царствованія. Значительное число историческихъ матеріаловъ появляются въ свѣтъ здѣсь въ первый разъ. Въ настоящія минуты мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе ваше, мм. гг., на нѣкоторые изъ нихъ. Передъ нами переписка Великой Княгини съ Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ, когда онъ былъ арестованъ въ 1758 г. по случаю паденія канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина; собственноручныя отрывочныя замѣтки Екатерины II, еще до вступленія ея на престолъ, о разныхъ предметахъ государственнаго управленія. Отрывки эти чрезвычайно любопытны: изъ нихъ видно, какъ она въ самой юности уже старалась изучать все, что̀ относилось къ устройству и интересамъ общества русскаго. Убѣждаешься невольно, что это умъ, призванный царствовать, и что замѣтки ея для нея самой служили выраженіемъ какого-то неяснаго, инстинктивнаго предчувствія ожидавшей ее блистательной будущности. Нѣкоторыя изъ мыслей, въ нихъ заключающихся, повторяются въ ея Наказѣ, а другія впослѣдствіи нашли себѣ мѣсто въ учрежденіяхъ и правительственныхъ мѣрахъ. Далѣе въ книгѣ, о которой мы говоримъ, находятся подробности по поводу манифеста о проступкахъ Хрущева и Гурьевыхъ; письма къ бывшему канцлеру Бестужеву-Рюмину, которому Екатерина возвратила отнятые у него чины и имущества, съ требованіемъ совѣтовъ его по разнымъ встрѣчающимся государственнымъ дѣламъ; бумаги, касающіяся до предположенія объ учрежденіи Императорскаго Совѣта въ 1762 г.; собственноручная переписка Екатерины II объ изслѣдованіи поступковъ камеръ-юнкера Хитрово; письмо бывшаго генералъ-прокурора Глѣбова, съ любопытными признаніями его Императрицѣ касательно семейныхъ и служебныхъ его дѣлъ; собственноручныя ея рѣшенія по дѣлу объ извѣстномъ своими злоупотребленіями слѣдователѣ въ Иркутскѣ Крыловѣ; наставленіе, данное графу Румянцеву, при назначеніи его генералъ-губернаторомъ Малороссіи въ 1764 году, послѣ уничтоженія тамъ гетманства,

и пр. Академикъ ко многимъ изъ этихъ матеріаловъ присоединилъ свои примѣчанія, поясняющія содержащіяся въ нихъ факты, или обстоятельства, которыя служили къ нимъ поводомъ, а въ заключеніе присоединилъ къ книгѣ указатель предметовъ, въ нее вошедшихъ.

Другой трудъ, напечатанный также въ нынѣшнемъ году г. Пекарскимъ, есть сборникъ историческихъ матеріаловъ, собранныхъ покойнымъ академикомъ К. И. Арсеньевымъ, когда онъ находился наставникомъ русской исторіи нынѣ царствующаго Государя Императора. Одинъ изъ сыновей нашего бывшаго сочлена, Александръ Константиновичъ Арсеньевъ, отъ имени своихъ братьевъ, предоставилъ эти матеріалы въ распоряженіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, и оно поручило г. Пекарскому озаботиться разборомъ арсеньевскихъ бумагъ и изданіемъ въ свѣтъ тѣхъ изъ нихъ, которыя, по своему содержанію, окажутся того заслуживающими. П. П. Пекарскій тщательно занялся исполненіемъ порученнаго ему дѣла; съ дозволенія министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ провѣрилъ списки собранныхъ Арсеньевымъ бумагъ съ подлинниками, находящимися въ архивахъ этого министерства, и снабдилъ нѣкоторые изъ нихъ своими примѣчаніями и объясненіями. Академикъ обратилъ особенное вниманіе на матеріалы, служащіе для ознакомленія съ внутреннею жизнью русскаго народа,—какъ на предметъ, столько въ настоящее время занимающій изыскателей нашей русской исторіи и всѣхъ, кому дорого знаніе о своемъ отечествѣ. Изъ матеріаловъ этого рода въ изданномъ нынѣ сборникѣ можно указать на слѣдующіе: извѣстіе объ одномъ старовѣрѣ, который съ братомъ своимъ объявилъ о своемъ вѣрованіи въ тайной канцеляріи съ цѣлью пострадать за двоеперстное сложеніе; разсказъ, переданный простонароднымъ языкомъ женою сельскаго управителя Шестакова о томъ, какъ она провела день во дворцѣ императрицы Анны; показанія посадскаго Зубарева о томъ, какъ онъ бѣжалъ изъ Россіи, попалъ въ Пруссію и оттуда былъ посланъ обратно въ Россію отъ прусскаго короля Фридри-

ха II съ порученіемъ взволновать тамъ раскольниковъ для возстановленія права принца Іоанна Антоновича; переписка братьевъ Коржавиныхъ, бывшихъ сначала ямщиками и закоренѣлыми старовѣрами, а потомъ сдѣлавшихся поборниками европейскаго просвѣщенія до такой степени, что одинъ изъ братьевъ, Ерофей Коржавинъ, съ племянникомъ уѣхалъ въ Парижъ и слушалъ тамъ лекціи первостепенныхъ ученыхъ. Для исторіи иноземнаго вліянія при русскомъ дворѣ и въ высшей администраціи XVIII столѣтія въ арсеньевскомъ сборникѣ можно найдти любопытныя свѣдѣнія о Биронѣ, о судѣ надъ графомъ Остерманомъ, Минихомъ и другими — свѣдѣнія, которыя до сихъ поръ были извѣстны только въ отрывкахъ.

Сборникъ арсеньевскій г. Пекарскій пополнилъ любопытной біографіей Арсеньева, содержаніе для которой онъ почерпнулъ какъ въ бумагахъ покойнаго академика, такъ и въ нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ ему его сыномъ. Читатели вполнѣ ознакомятся здѣсь съ этою свѣтлою, даровитою личностью, заслужившею всеобщее уваженіе, какъ прекрасными качествами своего сердца, такъ и добросовѣстнымъ служеніемъ своимъ наукѣ. Тутъ представляются также многія черты, характеризующія тогдашнее положеніе вещей и нѣкоторыхъ изъ дѣятелей въ ученомъ нашемъ кругу. Особенно любопытны приведенные г. Пекарскимъ отрывки изъ автобіографіи Арсеньева, къ сожалѣнію не полной, гдѣ между прочимъ изложены нѣкоторыя обстоятельства извѣстнаго печальнаго событія въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ нѣсколько профессоровъ подверглись преслѣдованію, и въ томъ числѣ Арсеньевъ. Подробности, относящіяся собственно къ нему, живо рисуютъ угрожавшее ему бѣдствіе, благородство, съ какихъ выдерживалъ онъ незаслуженное имъ гоненіе, и вмѣстѣ великодушное покровительство, оказанное ему бывшимъ тогда Государемъ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ.

Наконецъ, г. Пекарскій представилъ въ рукописи второй томъ составленной имъ исторіи нашей Академіи Наукъ. Повѣст-

вованіе о судьбахъ ученаго общества въ царствованіе Императрицы Елисаветы и подробное жизнеописаніе Тредіаковскаго и Ломоносова составляютъ содержаніе этого тома. Въ настоящее время уже приступлено къ его печатанію.

А. Ѳ. Бычковъ, по порученію Отдѣленія, занимался разсматриваніемъ собранія мѣстныхъ словъ, доставленныхъ смотрителемъ валдайскихъ училищъ Пардолоцкимъ, и замѣчаній о простонародномъ языкѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Владимірской губерніи, полученныхъ отъ священника Гороховецкаго уѣзда Іоанна Былина. Отзывы академика напечатаны Отдѣленіемъ.

По порученію Академіи г. Бычковъ разсмотрѣлъ два сочиненія, представленныя на соисканіе Уваровскихъ наградъ; одно изъ нихъ по поводу сочиненія г. Ламбина о Свенельдѣ и Угличахъ будетъ напечатано; онъ же издалъ повѣсти временныхъ лѣтъ по списку монаха Лаврентія, при чемъ исправлены многія мѣста, доселѣ неправильно читанныя. Многочисленныя занятія по званію помощника директора Императорской Публичной Библіотекѣ, члена археографической коммиссіи и по разнымъ служебнымъ обязанностямъ не препятствовали А. Ѳ. Бычкову вмѣстѣ съ тѣмъ принимать постоянное, дѣятельное участіе въ нашихъ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ.

Высокопреосвященный Макарій, архіепископъ литовскій, въ теченіе настоящаго года напечаталъ четвертымъ изданіемъ свое «Введеніе въ православное богословіе», помѣстилъ въ журналѣ «Христіанское чтеніе» статью: «Преподобный Іосифъ Волоколамскій въ его Просвѣтителѣ» и произнесъ во время своего пребыванія въ Вильнѣ нѣсколько словъ и рѣчей, которыя тогда же были напечатаны въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Академикъ М. П. Погодинъ напечаталъ свою Древнюю русскую исторію въ 3-хъ томахъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О М. М. СПЕРАНСКОМЪ.

Рѣчь, произнесенная въ годичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1870 года

АКАДЕМИКОМЪ А. В. НИКИТЕНКО.

Перваго января наступающаго года совершится столѣтіе со дня рожденія одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей,— одной изъ тѣхъ личностей, которыя гдѣ бы онѣ ни родились, составили бы гордость и украшеніе страны. Сынъ сельскаго священника, убогій семинаристъ, учитель словесности, потомъ, спустя немного лѣтъ, ближайшій къ государю участникъ и сотрудникъ его въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, невинный страдалецъ — жертва зависти и клеветы, организаторъ одной изъ обширнѣйшихъ частей имперіи, органъ верховной власти въ сферѣ законодательной, наконецъ наставникъ въ наукѣ законовъ августѣйшаго наслѣдника престола, нынѣ достославно царствующаго Государя Императора, — вы угадываете, мм. гг., что я говорю о Сперанскомъ. Вамъ извѣстно, что съ Высочайшаго соизволенія, предположено день его рожденія ознаменовать публичнымъ воспоминаніемъ о немъ преимущественно въ кругу лицъ юридическаго званія. Къ нимъ, безъ сомнѣнія, присоединятся и всѣ кому знакомо имя Сперанскаго—и кому оно незнакомо?—Съ нѣкотораго времени все болѣе и болѣе входитъ въ нашу общественную жизнь обыкновеніе воздавать торжественную почесть памяти лицъ высшаго умственнаго или государственнаго значенія, сшедшихъ съ земнаго поприща. Когда общественное мнѣніе вѣнчаетъ такимъ образомъ достоинства и заслуги гражданина, оно доказываетъ

тѣмъ, что онѣ были существенны и велики — и исторія, ставя такое лице на видное мѣсто передъ потомствомъ, не можетъ не уважать подобныхъ общественныхъ засвидѣтельствованій, потому что гласъ народа — гласъ Божій. У общества есть проницательность, необманывающаяся въ сужденіи о тѣхъ, которые силою ума своего и дарованій честно послужили его пользамъ и благу. Сперанскій занималъ высокій постъ въ Имперіи. Но это не давало бы ему еще права на признательность людей и историческій почетъ. Онъ могъ бы, пройдя свое служебное поприще, оставить имя свое въ адресъ-календарѣ и не донести его до страницъ исторіи. Сперанскій былъ достоинъ высокаго поста — вотъ въ чемъ важность его возвышенія. Кому не извѣстно, какъ иные часто достигаютъ его разными путями, помимо нравственныхъ и умственныхъ преимуществъ, волею слѣпаго счастія, какъ бы только для того, чтобы выставить на показъ передъ цѣлымъ свѣтомъ свою неспособность, свой эгоизмъ и свои мелкія страсти. Сперанскій принадлежалъ къ категоріи людей, которымъ счастіе если что-нибудь даетъ, такъ это только возможность трудиться и проявить во всемъ блескѣ дарованныя имъ природою силы, — и онъ воспользовался этою возможностію съ искусствомъ и энергіей человѣка, чувствующаго, что она дается не даромъ. Прежде, чѣмъ онъ могъ думать еще о высокой роли, предназначенной ему судьбою, его взгляды инстинктивно обращались уже къ предметамъ, далеко выходящимъ изъ круга обыкновенной общественной дѣятельности. «Когда, говоритъ онъ въ сочиненіи своемъ 1792 г., великая ось правленія обращается въ нашихъ очахъ; когда сильныя пружины, дающія движеніе политической системѣ, предъ нами открыты; когда въ обществѣ нѣтъ ничего столь великаго, чтобы отъ насъ было скрыто: на какую высоту не всходятъ тогда наши понятія?» Вопреки обстоятельствамъ, окружавшимъ его юность, онъ успѣлъ образовать въ себѣ дѣятеля въ духѣ высшихъ государственныхъ требованій, и къ изумленію современниковъ, совершенно неожиданно въ немъ явился человѣкъ государственный въ глубокомъ и полномъ смыслѣ слова, соединявшій въ сердцѣ своемъ

качества патріота, а въ умѣ ясное пониманіе всѣхъ вопросовъ по текущимъ дѣламъ управленія съ знаніемъ коренныхъ истинъ, на которыхъ почіютъ самая цѣль и назначеніе государствъ — т. е., развитіе и преуспѣяніе нравственныхъ, умственныхъ и матеріальныхъ силъ народа. Такою широтою и величіемъ видовъ, тонкостію, равно какъ и искусствомъ въ разрѣшеніи труднѣйшихъ правительственныхъ задачъ своего времени, Сперанскій, конечно, прежде всего обязанъ былъ своему генію, съ необычайною ему одному свойственною гибкостію умѣвшему отъ системы цѣлаго переходить къ самымъ разнообразнымъ подробностямъ событій и дѣлъ, и обратно. Но и геніальныя способности, также какъ способности обыкновенныя, призванныя участвовать въ дѣлахъ общественныхъ, нуждаются въ тщательной подготовкѣ, — и эту подготовку можетъ доставить имъ только высшее, серьозное научное образованіе. Сперанскій не былъ заранѣе посвященъ въ тайны государственнаго управленія; то, чему онъ учился въ семинаріи и чему послѣ самъ училъ, относилось къ предметамъ иного призванія. Да и ни въ какомъ призваніи нельзя ограничиться массою тѣхъ свѣдѣній, какія получаемъ мы посредствомъ предварительнаго изученія. Они дополняются и совершенствуются въ теченіи многихъ лѣтъ жизни безпрерывнымъ внимательнымъ преслѣдованіемъ открытій и успѣховъ, возникающихъ изъ поступательнаго хода ума человѣческаго. Но что въ высшей наукѣ, какъ самостоятельномъ органѣ истины, независимо отъ ея содержанія, составляетъ для насъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, пособіе, незамѣнимое никакими личными опытами, это самая ея идея, ея духъ, методъ, ея образующая и руководящая сила. И въ усвоеніи-то себѣ этой силы, мы преимущественно и разумѣемъ подготовку, о которой сказано выше. Ея печать лежитъ на всемъ, что исходило изъ геніальнаго ума Сперанскаго. Не говоря о многочисленныхъ работахъ его, почти по всѣмъ отраслямъ управленія, мы припомнимъ исполинскій трудъ — полное историческое собраніе нашихъ законовъ вмѣстѣ съ кодификаціей законовъ дѣйствующихъ, совершенный подъ непосредственнымъ руководствомъ

его и по его указаніямъ. Могъ-ли трудъ этотъ быть выполненъ безъ обширнаго научнаго образованія, которое подвизалось здѣсь за одно съ дарованіемъ и неутомимою настойчивостью его виновника? Все то, что въ многообъятной дѣятельности Сперанскаго, по истинѣ составляетъ предметъ удивленія, было проникнуто тѣмъ глубокимъ воодушевленіемъ, какое умы первостепенные почерпаютъ въ великости самаго дѣла и въ мысли о благотворныхъ его послѣдствіяхъ и которое, вмѣстѣ съ чувствомъ долга, не оставляло его до послѣднихъ минутъ жизни. Когда дни его уже были изочтены и онъ томился тяжкимъ недугомъ, повергшимъ его наконецъ въ могилу, духъ его былъ бодръ и дѣятеленъ; онъ не переставалъ трудиться надъ порученными ему Государемъ дѣлами. Нѣжно любящая имъ дочь на колѣняхъ со слезами умоляла его позаботиться о своемъ здоровьѣ: Сперанскій отвѣчалъ ей: «другъ мой! долгъ прежде всего». И это было послѣднею предсмертною его мыслію, какъ оно было мыслію всей его жизни.

Подобнымъ образомъ выдержанное настроеніе души предполагаетъ замѣчательную чистоту нравственныхъ убѣжденій, какъ и силу воли. Нравственный характеръ Сперанскаго, благодаря преданіямъ о немъ сохранившимся, документамъ обнародуемымъ въ такомъ обиліи въ наше время и особенно превосходной біографіи достоуважаемаго почетнаго члена нашей академіи барона Модеста Андреевича Корфа, — этотъ характеръ намъ довольно выяснился. Мы не можемъ имѣть здѣсь въ виду полной характеристики Сперанскаго и должны коснуться ея только въ общихъ чертахъ, которыми обозначается его общественная дѣятельность. Система его правилъ и поступковъ выработалась и окрѣпла въ школѣ самопознанія и въ чувствѣ уваженія къ человѣческому достоинству. Личность его представляется съ такою классическою, такъ сказать, правильностію благородства и нравственной граціи, что если бы для нашего времени былъ возможенъ Плутархъ, то онъ не поколебался бы внести его въ галлерею мужей, созданныхъ въ лучшемъ штилѣ человѣческою природою. Автономіей своего внутренняго міра созрѣвшею въ началахъ разума, рели-

гіознаго чувства и чести, онъ заградилъ навсегда къ своему сердцу путь дурнымъ поползновеніямъ, искажающимъ и посрамляющимъ природу человѣческую вездѣ и чаще всего на высотѣ житейскихъ успѣховъ. Въ своемъ возвышеніи онъ видѣлъ только обязательство служить ревностнѣе благу своего отечества. Можно предполагать въ немъ честолюбіе; но это было честолюбіе великихъ душъ, домогающихся не денегъ, отличій и почестей обыкновенно больше желаемыхъ, чѣмъ заслуживающихъ тѣми, кто ихъ домогается, а права дѣйствовать соразмѣрно своей любви къ добру и умственнымъ своимъ средствомъ. Его сѣтованія подъ гнетомъ изгнанія, въ службѣ въ Пензѣ и Сибири были только отголосками законнаго сознанія этого права. Извѣстна печальная истина, что есть люди, готовые скорѣе не помнить нанесеннаго имъ зла, чѣмъ простить дарованію его превосходство. Сперанскому не прощали этой тяжкой въ глазахъ многихъ вины и они мстили ему за свою посредственность, прибѣгая къ способамъ, какими такъ богаты зависть и клевета. Между тѣмъ не было человѣка, который бы отличался такою простотою, такимъ осмиренномудріемъ и кротостію, какъ онъ посреди своего величія, и такъ мало былъ бы способенъ употреблять его къ чьему нибудь униженію или вреду. Нельзя безъ умиленія читать слѣдующихъ строкъ въ письмѣ изъ Перми къ Императору Александру I-му составляющихъ, какъ бы политическую исповѣдь Сперанскаго: «во все время, говоритъ онъ, какъ я пользовался Вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ, или кому старался повредить въ глазахъ вашихъ? на кого навлекъ какую либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ Вашей ту любовь къ человѣкамъ, кротость и снисхожденіе, какими Богъ и природа въ благости своей васъ одарили».

Государственный человѣкъ, который въ состояніи такъ чувствовать и говорить предъ лицемъ своего Монарха въ торжественную минуту разоблаченія, такъ сказать, предъ Нимъ своей совѣсти, могъ быть виновенъ передъ своими врагами единственно тѣмъ, что былъ не похожъ на нихъ.

Въ Сперанскомъ, безъ сомнѣнія, были недостатки, слабости; отъ того онъ могъ ошибаться какъ человѣкъ и какъ человѣкъ государственный. Но это были мимолетныя, скользящія тѣни на чистой поверхности его души не проникавшія въ ея глубину; о такихъ ошибкахъ и недостаткахъ дѣятелей, подобныхъ ему, помнятъ только люди, измѣряющіе чувствованія ихъ и побужденія—собственною низостію; общество прощаетъ ихъ, а исторія предаетъ забвенію. Говорятъ, что нѣтъ великаго человѣка передъ его камердинеромъ; но худую репутацію пріобрѣло бы человѣчество, если бы его великіе люди выносили съ собою на арену важныхъ общественныхъ дѣлъ то, что замѣтили въ нихъ дома ихъ слуги. Къ счастію это бываетъ не такъ. Суворовъ пѣлъ пѣтухомъ у себя въ палаткѣ, но онъ же, употребляя его оригинальное выраженіе, умѣлъ пѣть Марсомъ въ битвахъ съ турками и на поляхъ Италіи.

Говоря о Сперанскомъ, нельзя говорить о немъ иначе, какъ о дѣятелѣ государственномъ, и мы, въ нашемъ слабомъ очеркѣ, не могли обойти этого главнаго элемента его историческаго значенія. Но въ немъ есть другая сторона, воспоминаніе о которой прямо касается среды академической, и именно II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ: это его важное содѣйствіе успѣхамъ отечественнаго слова. Сперва онъ избранъ былъ въ почетные члены, а потомъ въ дѣйствительные члены Россійской Академіи, присоединенной впослѣдствіи къ Академіи Наукъ и составляющей нынѣ нераздѣльную ея часть въ видѣ Отдѣленія Русскаго языка и словесности. Обремененный множествомъ государственныхъ заботъ, онъ, конечно, не могъ въ званіи дѣйствительнаго члена принимать въ занятіяхъ Академіи участія, какого бы онъ желалъ и къ какимъ чувствовалъ въ себѣ влеченіе. Но въ другомъ отношеніи онъ былъ дорогъ ей и къ ней близокъ. И къ чести бывшей Россійской Академіи надобно сказать, что принимая Сперанскаго въ среду свою, она поняла великія услуги, оказанныя имъ отечественному языку не въ качествѣ ученаго изслѣдователя, а въ качествѣ первокласснаго писателя, глубоко постигшаго его

духъ и богатства и проявившаго ихъ въ такой сферѣ мыслей, гдѣ онъ выказывался прежде въ формахъ или несоотвѣтственныхъ важности ихъ и достоинству, или же устарѣвшихъ. Употребляя языкъ своего народа, всѣ мы довольствуемся и должны довольствоваться тою степенью его развитія, на которой онъ находится въ данное время. Но является умъ съ новыми идеями, или съ такимъ настроеніемъ, которое указываетъ ему на незамѣченныя до того отношенія вещей и понятій, ставитъ его на высшія или новыя точки зрѣнія: и тотъ же языкъ въ его произведеніяхъ обнаруживаетъ новыя еще неизвѣданныя силы— гибкость, способность къ точному словоупотребленію или къ многоразличнымъ тонкостямъ въ словосочетаніяхъ, какихъ прежде никто въ немъ не подозрѣвалъ. Способы выраженія, заключающіеся въ природныхъ богатствахъ языка, но получившіе такимъ образомъ извѣстность подъ перомъ геніальнаго писателя, дѣлаются наконецъ всеобщимъ достояніемъ. Ломоносовъ показалъ намъ первые опыты такого пользованія языкомъ въ одномъ извѣстномъ направленіи; Карамзинъ пошелъ далѣе и далъ намъ примѣры и образцы этого пользованія въ размѣрахъ болѣе широкихъ, и въ примѣненіяхъ болѣе разнобразныхъ. Сперанскій уже первымъ своимъ литературнымъ опытомъ доказалъ, что онъ удаляется отъ употребленія языка, господствовавшаго въ его время въ литературѣ нашей. Онъ преподавалъ, какъ извѣстно, словесность въ Александро-Невской Семинаріи, вскорѣ преобразованной въ Духовную Академію. Здѣсь для своихъ слушателей онъ написалъ книгу: *Правила высшаго краснорѣчія*. Это не есть полный теоретическій курсъ, который бы обнималъ всѣ отрасли словесности, въ немъ изложены только начала краснорѣчія ораторскаго, и преимущественно церковнаго вмѣстѣ съ главными эстетическими положеніями о прекрасномъ, высокомъ, о вкусѣ и проч. Основныя понятія въ курсѣ не выходили изъ круга господствовавшихъ тогда теорій словесности. Но въ развитіи этихъ понятій вездѣ видны самостоятельныя воззрѣнія молодаго преподавателя, имѣвшаго тогда не болѣе 21 года отъ роду,—воззрѣнія, ясно показывающія, что хотя

онъ слѣдуетъ извѣстнымъ принятымъ началамъ, однако его занимаютъ болѣе сущность предмета—духъ и цѣли ораторскаго краснорѣчія, нежели они. Все ученіе его проникнуто такимъ воодушевленіемъ, такимъ горячимъ сочувствіемъ ко всему великому, изящному и доброму, полагаемымъ въ основаніе истиннаго краснорѣчія, что въ немъ нельзя не видѣть примѣтъ человѣка, предназначеннаго для роли болѣе значительной, чѣмъ роль скромнаго семинарскаго учителя. Но то, что въ этомъ юношескомъ произведеніи Сперанскаго уже съ перваго взгляда останавливаетъ вниманіе изыскателя, это языкъ его. Мы обыкновенно Карамзинымъ означаемъ эру усовершенствованія нашего литературнаго языка, когда онъ отбросилъ въ немъ тяжелыя искуственныя формы, несвойственныя ни нашей національной мысли, ни нашему общенародному языку и замѣнилъ ихъ формами, такъ сказать, подвижными, живыми, согласными съ требованіями ихъ логики и духа. Это, совершенно справедливо, если смотрѣть на Карамзина со стороны огромнаго вліянія, какое имѣлъ онъ на образованіе нашего литературнаго языка вообще. Сперанскій, однако, былъ внѣ этого вліянія. Въ сочиненіи его, написанномъ въ 1792 г. мы находимъ уже ту свободу, легкость, разнообразіе и естественность въ построеніи рѣчи, какіе впослѣдствіи Карамзинъ привилъ къ нашему литературному языку. При этомъ мы должны вспомнить, что сочиненіе Сперанскаго было дидактическаго свойства, слѣд. онъ могъ, и по тогдашнимъ понятіямъ, даже долженъ былъ писать, какъ можно суше, единообразнѣе, и подъ защитою спеціальности, такъ тяжело, чтобы сейчасъ было видно, кокое огромное бремя знанія ученый мужъ поднималъ на рамена свои. Не рѣдко Сперанскій, увлекаемый пылкостію своего воображенія, вдается въ цвѣтистость и облекаетъ свои идеи въ слишкомъ роскошное убранство. Но и здѣсь, въ своихъ юношескихъ порывахъ, онъ никогда не забываетъ, что высоко поднятое пареніе мысли, должно найти себѣ оправданіе въ ея истинности, а убѣжище въ выраженіи опредѣленномъ, не смотря на его пышность, ясно построенномъ по правиламъ логической архитектоники, безъ запутаннаго сплетенія придаточ-

ныхъ и вставочныхъ частей. Вотъ напр. какъ изображаетъ онъ высокое въ духѣ человѣческомъ: «Нѣтъ ничего, говоритъ онъ, чтобы больше отличало великіе умы, какъ образъ ихъ мысли. Кажется, природа дала имъ совсѣмъ другіе органы чувствованія, другое сердце, другой родъ понятій; словомъ, кажется, вокругъ ихъ существуетъ особенный міръ. Всѣ мелкіе предметовъ отношенія предъ ними изчезаютъ; все недостойное занимать ихъ вниманіе, кажется, нарочно отъ нихъ укрывается. Ихъ очи созданы только для того, чтобы видѣть великое; и тамъ, гдѣ обыкновенный глазъ тупѣетъ и теряется ничего не постигая, они какъ сквозь какое волшебное стекло, различаютъ тысячи предметовъ. Сопряженіе обстоятельствъ, въ коихъ умъ посредственный ничего не находитъ чрезвычайнаго, отверзаетъ богатую жилу ихъ изобрѣтательной силѣ, и мысль простая рождаетъ въ нихъ множество мыслей великихъ».

Въ позднѣйшихъ его литературныхъ произведеніяхъ, какъ-то въ переводѣ *Өомы Кемпійскаго* видимъ уже ту полную зрѣлость его слога, какую онъ обнаруживаетъ во всемъ, что исходило изъ подъ его пера. Впослѣдствіи этотъ переводъ сильно занималъ его. Книга высшаго христіанскаго мыслителя служила для него утѣшеніемъ во дни его изгнанія. Есть признаки даже наклонности его къ мистицизму, хотя мистикомъ въ настоящемъ смыслѣ онъ никогда не былъ и не могъ быть имъ. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ глубоко религіозенъ; но религіозное чувство въ такомъ твердомъ, проницательномъ и просвѣщенномъ умѣ, въ умѣ способномъ изучать и рѣшать самые положительные вопросы жизни, не могло дойти до той восторжности, которая, увлекая духъ въ выспреннія недостижимыя для насъ сферы, лишаетъ его всякихъ опоръ на почвѣ дѣйствительности. Въ натурѣ Сперанскаго лежали зачатки энтузіазма ко всему великому — это видно въ самой энергіи, съ какою онъ предавался трудамъ, требовавшимъ не только знанія и искуства, но и одушевленія идеей добра, залоги котораго онъ находилъ въ нихъ; но энтузіазмъ его былъ энтузіазмомъ къ великому въ вещахъ и людяхъ, а не въ призракахъ.

Это то качество, незнакомое умамъ будничнымъ, которое даетъ обществу полезнѣйшихъ дѣятелей, и исторіи—героевъ.

Въ бумагахъ Сперанскаго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, мы нашли много отрывковъ, писанныхъ имъ въ разное время и имѣющихъ характеръ научныхъ изслѣдованій и понятій о человѣкѣ. Въ числѣ ихъ есть полные, тщательно обработанные трактаты, касающіеся преимущественно практической философіи, отмѣченные 1837 и 1838 годами. Они, по видимому, должны были составить полное систематическое ученіе о нравственной природѣ человѣка, можетъ быть въ примѣненіи къ философіи права, что видно изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ и наиболѣе развитыхъ сужденій о свободѣ воли, вмѣненіи, правахъ и отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ обществу, и т. п. Всѣ положенія автора истекаютъ изъ понятій о достоинствѣ и высшемъ назначеніи человѣческой природы и носятъ на себѣ печать строгаго и научнаго изложенія. Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ анализъ содержанія этихъ глубокомысленныхъ философскихъ разсужденій; укажемъ только на удивительную ясность и опредѣлительность въ выраженіи главныхъ мыслей автора. Вотъ наприм. какими чертами опредѣляетъ онъ свободу воли: «свобода, говоритъ онъ, есть власть надъ самимъ собой» — «свобода есть власть воли располагать *вниманіемъ*, обращать его на побужденія и удерживать или устремлять ихъ при образованіи желаній». «Право есть та степень свободы, которая дана, или оставлена Богомъ человѣку и безъ коей человѣкъ не могъ бы быть лицемъ». «Быть лицемъ есть имѣть право, имѣть что-нибудь *свое*».

Сперанскій распоряжался средствами отечественнаго языка съ полною властью, свойственною высшимъ дарованіямъ и высшимъ идеямъ; это особенно выражалось въ сферѣ идей государственныхъ, гдѣ было настоящее мѣсто его дѣятельности. Языкъ дѣлъ и нуждъ общественныхъ и правительственныхъ подчиняется своего рода условіямъ; эти условія должны соблюдаться во всѣ времена и во всѣхъ состояніяхъ образованности. Общій характеръ такого языка можетъ долго оставаться неизмѣннымъ при

неподвижности государственной и народной жизни. Его внолнѣ установившіяся формы будутъ достаточны для достиженія той цѣли, для которой онѣ установились. Но исторія — врагъ неподвижности. Наступаетъ эпоха, когда народъ и государство выходитъ изъ своей замкнутости на широкое поле историческаго развитія. Возникаютъ въ умахъ новыя понятія, новыя воззрѣнія и стремленія; слагаются новыя общественныя отношенія и среди ихъ зараждаются новыя права и обязанности; преобразуются самые нравы. Государство не можетъ не обращаться ко всему этому со своими взглядами, видами, узаконеніями, мѣрами, — а между тѣмъ, съ другой стороны, возбужденная и подвигающаяся впередъ образованность, наука, предъявляетъ свои права и настаиваютъ на соглашеніе во всемъ съ требованіями общечеловѣческаго разума и общечеловѣческихъ истинъ. Естественно, что языкъ высшей администраціи въ этомъ всезахватывающемъ потокѣ событій долженъ выработаться иначе, нежели языкъ предшествовавшаго періода. Побужденія къ этому оказались особенно сильными въ началѣ текущаго столѣтія. Сперанскій, находясь въ самомъ средоточеніи правительственныхъ дѣлъ того времени и воплощавшій такъ сказать, въ себѣ идеи высшей власти, умѣлъ языку, служащему органомъ тѣхъ и другихъ, дать характеръ, соотвѣтствующій ихъ значенію и духу эпохи. Средствами къ тому были не одинъ геніальный умъ, но обширное образованіе и основательное пріуготовительное изученіе законовъ мысли и слова человѣческаго во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Мы видѣли, что Сперанскій въ самомъ началѣ своей умственной дѣятельности уже усвоилъ себѣ новыя формы словосочетаній и оборотовъ русской рѣчи, неизвѣстныя въ нашей письменности до того времени. Это былъ языкъ литературный, и его то въ обновленномъ и усовершенствованномъ видѣ, онъ внесъ въ сферу правительственную, приспособивъ его ея особеннымъ предметамъ и требованіямъ. Какъ! могутъ возразить мнѣ тѣ, которыхъ одно уже слово литература нѣсколько пугаетъ — языкъ литературный и языкъ дѣловой, административный, государственный — вѣдь это вещи

несовмѣстимыя. Но, во-первыхъ, развѣ литература есть что-нибудь для насъ стороннее, чуждое обществу, народу, государству? Развѣ она не есть продуктъ соединенныхъ силъ ихъ ума, чувства, творческой фантазіи, не дитя ихъ духа и не хранилище и двигатель нашей образованности? Во-вторыхъ, развѣ языкъ ея есть какой-нибудь отрѣшенный отъ міра, языкъ выдуманный, или исключительно принадлежащій какой-нибудь уединенной спеціальности? Это тотъ же русскій общенародный, живой языкъ, лучшее наше сокровище, развитый въ своихъ способахъ и богатствахъ, обработанный лучшими писателями, готовый и способный выражать правильно, вѣрно и благородно всякую мысль, къ какой бы сферѣ она ни относилась. Словомъ, это языкъ *художественный*, единственно приличный обществу образованному. Имъ говорятъ религіозная проповѣдь, наука, искусство; имъ говоритъ и государство устами своихъ просвѣщенныхъ представителей и дѣятелей. Онъ принадлежалъ Сперанскому.

Въ настоящемъ случаѣ, конечно, не время заниматься подробнымъ разборомъ качествъ и достоинствъ, отличающихъ административный языкъ Сперанскаго. Замѣтимъ, однако, что это истинный языкъ ума, овладѣвшаго всею сущностію и всѣми тонкостями дѣлъ, приводимыхъ въ движеніе многосложнымъ государственнымъ механизмомъ. Во всемъ, что имъ написано господствуютъ неукоризненная правильность и чистота выраженій; каждое слово поставлено на своемъ мѣстѣ, каждый сгибъ или оборотъ рѣчи сообразны съ свойствомъ мысли и ея оттѣнками. Тутъ ничего не забыто, что нужно было сказать, ничего не сказано, чего не слѣдовало сказать, ничего, что увлекало бы читающаго въ сторону отъ предмета, или заставляло его требовать поясненій или дополненія. Говорятъ, что рѣчи Димосѳена пахли масломъ ночной лампады, при свѣтѣ которой онъ съ усиліемъ выработывалъ то, что намѣренъ былъ сказать народу; ничего напоминающаго о подобныхъ усиліяхъ вы не найдете у Сперанскаго. Какъ бы ни были сложны и утонченны вопросы, его занимавшіе, они укладывались подъ его перомъ такъ просто, свободно, легко и стройно,

какъ будто дѣло шло о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. Но наиболѣе ощутительное, важное качество языка Сперанскаго, прямое отраженіе его духа, это ясность—не та, которая составляетъ требованіе и принадлежность всякой разумной рѣчи—но ясность, превращенная въ какое-то тихое, ровное, мягкое, теплое и вмѣстѣ величественное сіяніе, разлитое по всему объему его изложенія, особенно тамъ, гдѣ дарованіе его восходило до высшихъ предметовъ и цѣлей государственнаго управленія. Приводить примѣры изъ написаннаго имъ значило бы преступать предѣлы настоящаго моего слова. Но я не могу не указать по крайней мѣрѣ на одно всѣмъ хорошо извѣстное его произведеніе, не принадлежащее собственно по своему поводу и характеру, къ административнымъ актамъ, но имѣющее высокое историческое значеніе. Это письмо къ Императору Александру Павловичу, писанное имъ изъ Перми и составляющее изображеніе всей его государственной дѣятельности. Въ произведеніи этомъ выразилась, можно сказать, вся душа Сперанскаго. Оно будетъ читано и отдаленными нашими потомками и будетъ для нихъ всегда дорого и поучительно по глубокому чувству правды, одушевлявшему писавшаго, по искренности и достоинству, съ какими онъ объяснялъ предъ Монархомъ причины и истинныя побужденія своихъ поступковъ, по точности въ изложеніи фактовъ, по непобѣдимой силѣ аргументаціи и, наконецъ, по тѣмъ качествамъ языка, о которыхъ я имѣлъ честь сейчасъ сказать.

Воспоминаніе о Сперанскомъ, какъ о нашемъ согражданинѣ, отрадно нашему русскому сердцу, но оно также и поучительно для насъ. Съ именемъ его сопряжено такъ много свѣтлаго, благороднаго, человѣчнаго, что произнося его, чувствуешь болѣе довѣрія и уваженія къ людямъ. Съ этимъ именемъ соединяется значеніе личности нѣкоторымъ образомъ типической. Судьба, изъ ничтожества вознесшая Сперанскаго на высокую степень, какъ бы хотѣла явить въ немъ примѣръ, что нѣтъ качества достойнѣе въ человѣкѣ, занимающемъ эту ступень, какъ уваженіе къ законно-

сти и интересамъ общенароднымъ. Природа надѣлила его блистательными силами духа; но они могли бы возбуждать къ нему удивленіе — не болѣе. Великія дарованія обязываютъ. Они обязываютъ того, кому даны, воздѣлать ихъ и употребить во благо людямъ. Сперанскій исполнилъ одно—строгимъ трудомъ мысли и воли, другое—принесеніемъ въ жертву всѣхъ силъ своихъ пользамъ и величію отечества.